

Л. Задерновски

Листопад-12

*и ложится полуночный свет
там, где дуб, как неузнанный сверстник,
каждой веткою бьется вослед,
оставаясь, как прежде, в бессмертье*

Л. Аронзон

*Нам невдомек, что только черви мы,
В которых зреет мотылек нетленный,
На божий суд взлетающий из тьмы*

*Чистилище, песнь X
(пер. М. Лозинского)*

НЕТ ВОЙНЕ

Свободу
Светлане Петрийчук и Жене Беркович

I

[квартира]

Никита. Клэр... Клэр, ты долго ещё? Я писать хочу

Клэр. [из ванной] Я сейчас, подожди

Никита. Ты закрылась что ли?

Клэр. Я писаю

Никита. Ты уже пятнадцать минут писаешь

Клэр. Сейчас... [выходит] Я хочу тебе кое-что сказать...

Никита. Счас, я поссать схожу

Клэр. Только недолго

Никита. Я быстро...

Клэр. Садись... Никита

Никита. Я

Клэр. Это очень важно

Никита. Так

Клэр. Во-первых, я хочу сказать, что я очень тебя люблю

[звонит телефон]

Никита. Счас я отключу. Продолжай

Клэр. Никита, я очень тебя люблю. Я очень счастлива быть рядом

с тобой вот уже два года, и я невероятно благодарна судьбе за это.

Мы очень много с тобой про это говорили, я знаю, что ты очень

сильно хотел — что в такое время нам с тобой выпало такое счастье

любить друг друга. Я совсем по-другому представляла себе этот

момент и этот разговор, но ты уже завтра, может быть, уедешь, а я

хочу сказать это тебе лично... В общем... Никита, я беременна

Никита. ...От меня?

Клэр. Ты с ума сошёл?

Никита. Нет, подожди. Я имел в виду типа... Ещё раз: ты

беременна?

Клэр. Да. От тебя

Никита. Ты на него писала?

Клэр. Да

Никита. И у нас будет ребёнок?

Клэр. Да, как мы и хотели

Никита. Подожди: ребёнок, в плане настоящий?

Клэр. Настоящий

Никита. Типа это точно?

Клэр. Да, вот две полоски

Никита. И ты родишь?

Клэр. Да, настоящего

Никита. ...Господи, Клэр, ты самая лучшая, слышишь, ты, я так тебя люблю, ты самая лучшая, дай я тебя поцелую — ты меня любишь?

Клэр. Конечно, я тебя люблю

Никита. И я тебя, иди сюда

Клэр. Подожди

Никита. Что? Господи, как я тебя люблю, Клэр я так тебя хочу, ты хочешь прямо здесь?

Клэр. Ну прекрати, хватит

Никита. Что ждешь, ты что? Что, что такое? Ты не рада?

Клэр. Что нам теперь делать?

Никита. Рожать и поженимся

Клэр. И ты никуда не поедешь?

Никита. Опять ты всё одно и то же — тебе хоть что-то кроме этого волнует? У нас будет ребёнок, понимаешь — ребёнок, настоящий, наш ребёнок

Клэр. Никита, ты в военкомате что сейчас скажешь?

Никита. Это сейчас к чему вообще? Ты мне настроение испортить хочешь? Я тебя в ресторан позвать хотел, а ты опять [звонки]

Клэр. Какой ресторан, ты с ума сошёл? Что ты им говорить будешь?

Никита. А чё ты мне опять указываешь что ли? Я сам решу, поняла? Достало меня всё это, постоянно всё, блять, портит. Вот где мы жить будем? Здесь что ли? Я как лучше хочу — ну вот такой я, понимаешь? Может мне нравится так, может ты меня только за это и любишь

Клэр. Пусти меня

Никита. Ну ты опять начинаешь

Клэр. Я сказала пусти — отпусти меня

Никита. Успокойся, ты чё, чё ты начинаешь, чё это вообще? Ты куда? Ты куда вообще?

Клэр. Я сказала отпусти меня

[Клэр убегает]

Никита. Ты куда? Эй! Клэр! Ты куда, Клэр — подожди, эй... Ты чего? Клэр!.. Дура... Я же как — да нахер надо, вот честное слово, вот нахер надо... Ёбнутая, ей всё одно надо, ты по-другому не можешь, ты же вот, блять... Что мне с тобой делать, вот опять, да, что мне с тобой делать? Вот что делать — как же я заебался, сука. Ёбаный пиздец, сколько уже можно, дверями она хлопает. [звонит Клэр] Ну давай, давай, ответь... [звонок от Анны Львовны] Да подожди ты названивать блять — ответь, ответь, давай... Дура! С ума сошла, не в себе просто — и мне чё? Искать тебя что ли? Сама придёшь, чё я буду это бегать перед тобой как собачка что ли. [закуривает] Сама придёшь, ничё, время есть, извиняется она. [звонит Клэр] Я для тебя всё значит, а ты вот так да — и чё мне теперь? Заебало блять. Алло, да, что такое? Что ты мне весь день звонишь?

Анна Львовна. Алло, Никита? Алло, плохо слышу — до тебя не дозвонишься, ты меня слышишь, алло?

Никита. Да, я тебя слышу, алло

Анна Львовна. Ну слава богу — до тебя не дозвонишься, я тебе весь день звоню-звоню, ты не отвечаешь, я извелась уже вся, ты трубку не берёшь: живой ты там, что с тобой там, едешь ты или где?

Никита. Всё хорошо, я дома

Анна Львовна. Какой дома? Ты с ума сошёл? А рынок? Я сижу тут уже одетая вся, три часа тебя жду, взмокла вся, звоню тебе уже сколько, а ты вот так вот, да?

Никита. Прости, я забыл, тут просто

Анна Львовна. Всё у тебя просто, я тебя о многом прошу что ли, вот скажи мне, я тебя много прошу что ли? Я тебя уже ни о чём не прошу, один раз по-человечески попросила свозить меня на рынок, чтоб кусты эти на себе не таскать через весь город, матери помочь — ты мне да, хорошо

Никита. Прости, я случайно забыл, я

Анна Львовна. Всё у тебя случайно, как тебе помочь, так это я сразу, а как мать раз в год свозить, чтоб на себе через весь город кусты таскала, так это начинается

Никита. Да что начинается, я тебя всегда это, чё ты из меня делаешь – забыла совсем

Анна Львовна. Ты из меня дуру склерозную не делай – опять обкурился небось, ну потому что правильно говорят, самой ехать надо было, опять всё тащить на себе через весь город, правильно. Три куста, веришь? Три куста мне отложили там сегодня, мне эта рябина чёрная снится уже – и вот как я её тащить, мне её сажать когда, дожди уже – в ноябре что ли сажать?

Никита. Да я не знаю – у меня просто голова уже кругом идёт, тут такое, а ты это

Анна Львовна. Тебе деньги опять нужны?

Никита. Да какие деньги

Анна Львовна. А что такое?

Никита. Ты только спокойно

Анна Львовна. Ну что такое?

Никита. Ты лучше сядь, я только-только сам узнал

Анна Львовна. Ну что, что там

Никита. Я хотел тебе как-то лично сказать, ну если так, то, в общем, ну Клэр беременна

Анна Львовна. Как так?

Никита. Ну вот так

Анна Львовна. От тебя беременна?

Никита. Ты не рада что ли?

Анна Львовна. Рада, конечно, рада, а то уж думала, что так и помру, что ты вот болтаться всё так и будешь, счастье-то какое – я вас поздравляю, всё, я вам желаю, желаю вам, чтобы вы друг друга поддерживали, чтоб помогали друг другу, чтоб не ссорились, чтоб любили друг друга

Никита. Спасибо

Анна Львовна. Я вас люблю, ты Кларочке трубку дай хоть, я её тоже поздравить хочу

Никита. Она не может сейчас, она в туалете

Анна Львовна. Это же счастье-то какое, вы ж мои хорошие, вы ж мои молодцы – вы любите друг друга, слышишь, чтоб вы опорой друг другу были, чтоб поддерживали друг друга, я вам тоже помогу чем смогу, чтоб маленький вас слушался, чтоб он у вас больши-здоровым был, чтоб самым лучшим был

Никита. Да, да – ну будем стараться, да

Анна Львовна. А то выросли уже все, все друг от друга разлетелись, понянчить некого, слышишь, я горжусь тобой, и отец, Ца***ие Не***ное, гордился бы тобой, любил тебя как и детей любил – как он в роддоме плакал, когда тебя на руки брал, плакал весь – стоит в слезах весь с букетом, тебя прижимает, ой, я сама сейчас

Никита. Ну что ты нервничаешь так, мам, ну не надо

Анна Львовна. Понимаешь, он так любил тебя, он так тобой всегда гордился, что человеком тебя воспитал, что ты умным стал, что сильным, добрым, что другого в обиду никогда не дашь, что ты поможешь всегда, вот мало счас вас таких осталось настоящих, что сердце у тебя доброе, что уже совсем мужчиной стал, волнуюсь, волнуюсь всё

Никита. Да хорошо всё будет

Анна Львовна. Ой, я ночь не спала, всё по саду ходила

Никита. Ночью?

Анна Львовна. Гадала...

Никита. И что нагадала?

Анна Львовна. Ой, ты не слушай, я так успокоиться чтобы, совсем сон потеряла – бабское это всё, я плаксивой стала – может это, я тут подумала, если вот так вот, может Кларочка ко мне переедет, как ты уедешь, а квартиру сдадим, тут и воздух чистый, парк рядом, и сподручней будет

Никита. Ну посмотрим, посмотрим

Анна Львовна. Дай ей трубку, я её поздравлю хоть

Никита. Она не может счас, я тебе потом перезвоню

Анна Львовна. Давай я счас сама к вам подъеду? Я ж одетая вся, тортик заеду только, а то по телефону, всё как у нелюдей

Никита. Ты ж на рынок ехала, там дожди же

Анна Львовна. Да какой рынок, я тебя умоляю, мы хоть чаю с тортиком попьём, обсудим всё

Никита. Да не надо что ты, мы вообще сегодня в ресторан вдвоём пойти хотели, давай завтра лучше или на выходных?

Анна Львовна. Какой завтра, какой ресторан? Ты ей цветы хоть купил? Ты ж завтра уедешь уже

Никита. Да, да – слушай, я совсем не могу сейчас говорить, мне позвонить надо, да – всё, давай, люблю тебя, давай

Никита. [звонит] Лена, алло, привет

Лена. Если ты опять меня переубеждать будешь, то я не буду. Что-то срочное?

Никита. Нет, нет я не буду. Я решил, я хочу уехать.

Лена. Ну наконец-то, а я-то думала всё уже. А чё так, расхотелось?

Никита. А вот так, а вот расхотелось, да — мне очень надо, скинь мне денег на билет, я тебе верну

Лена. Да я тебе и так дам, сколько тебе надо? Сто?

Никита. Двести, Лен, я тебе как только так сразу

Лена. Нихера себе

Никита. Скинешь?

Лена. Да нет, вот за сто с чем-то, этот вообще за восемьдесят две — ты со своей этой что ли хочешь?

Никита. Это не твоё дело, просто скинь мне денег, я верну

Лена. Как не моё дело? Мои деньги, я этой девке ничего покупать не буду, пусть сама себе

Никита. Ты не борзей, а? Я в долг беру, а не так просто

Лена. Я тебе ещё раз говорю: мне тебе не жалко, но я за неё платить не буду

Никита. Тебе жалко что ли, вот чё ты жмёшься, это ж не твои деньги

Лена. Ты язык свой поприкуси, мои это деньги — и я на тебя никогда не жалела всегда помогала тебе, и на кроссовки тебе, вот не просрал, было бы уже всё давно

Никита. Я без неё никуда не поеду

Лена. А тебе это точно на билет или опять

Никита. Я сказал, что я без неё никуда не поеду, она моя жена, я её одну не оставлю

Лена. Вы не женаты

Никита. А мы поженимся скоро, если меня где-то под Мариуполем не расстреляют

Лена. Сволочь ты, Никита... Вот сколько раз я тебе говорила – ты ни в какую, а сейчас руки мне заламываешь? Мне вот отца мало было, ты как он хочешь, да, сдохнуть хер знает где, да? Голыми нас оставить, как скотина, на убой пойти, да, чтоб дура эта одна?

Никита. Лен, вот не надо, чё ты мне мозги делаешь опять, всё им по-своему надо. Я сказал: я без неё никуда не поеду, понятно? Чё ты опять всё это разводишь, я тебя как человек прошу, а ты всё одно и то же, скока можно уже?

Лена. Деньги тебе нужны об одном только – деньги, деньги. Приехала я как-то матушку проведать, ещё думаю: адрес какой-то странный – в центре. И что ты думаешь, как я охренела, когда туда вот подъезжаю, а она с хмырём этим, легла под него, сука такая, я-то думала, а ты забыл, да? Ты себя хоть тогда помнишь, ты хоть Павловск помнишь? Ты ж забыл всё, ты ветку помнишь, как ты домой пришёл с веткой этой и сказал

Никита. Я поеду к папе и всех чеченов убью

Лена. И веткой так: щух, щух!

Лена. А отец, как приехал, начал тикать, как заведённый, рожи корчил – ему шею скрутит, и он три слова выговорить не может

Никита. Ддд... дд.. Ддай... ддд...

Лена. Вот так, да – есть какое-то сходство, он только зубами потом щёлкал или, знаешь, идёшь ночью воды выпить, а он в трусах посреди коридора губами так хлюпает, как будто словами поперхнулся

[Никита двигает губами, как рыба]

Лена. Да, а потом наутро его спросишь, а он молчит, не помнит

Никита. Ддд... дд.. Ддай... ддд...

Анна Львовна. Алло! Что говоришь? Представляешь, купила торт значит, села, сажу и тут вижу – в другую сторону еду, веришь? Сколько раз ездила я, а тут перепутала, месяц как сюда ходила к

отцу видется, это он переродиться хочет, это он мне ночью ещё сказал, вы если сын будет, вы его Толей назовите

Никита. Клэр...

Анна Львовна. Я одно знаю: кровь не вода, нельзя кровь забывать, она являться будет, она морочить будет. Он тебе как ангел-хранитель теперь, ты помни о нём, это она вот забыла всё, уткнула без роду без племени, а ты помни – как так она бросила нас? Я тебя одна тащила, всё на себе тащила, и когда жрать нечего было, и когда ничего не было, всё сама, пока это там шампанское в шоколаде ела, а мы сами всё

Лена. Она не уставала это повторять, она подходила к тебе и говорила

Никита. Если бы не ты, я бы удавилась давно, я бы к папе легла

Лена. Как собака хотела под забором околеть к чёртовой матери, сдохнуть, чтобы не было боли, чтоб этого воя не слышать

Никита. Ддд... дд.. Ддай... ддд...

Лена. Я любила его до безумья, как проклятая, ходила с цветами к нему на могилу – больно, мне больно, слышишь? Я письма ему в Чечню целовала, сильнее терпеть надо было, всё терпеть надо было – он кровь, вспять не течёт – и терпела, и радовалась, что могу любить так просто, что вот он обнимает меня и говорит

Никита. И я тебя люблю, птичка моя, что с тобой, что ты плачешь?

Лена. Я точно помню его хромой, как у циркуля шаг: шарк-шарк, шаг-шаг, чужие шаги. Я помню: дверь открывается – не могу

Никита. Говори

Лена. Это был хмырь

Никита. Имя

Лена. Хмырь

Никита. Имя

Лена. Витя, дядя Витя

Никита. Да я тебе клянусь, я в туалет шёл, а тут эта стоит лезет ко мне

Лена. Он открыл дверь и встал в проходе, в комнате запахло перегаром, он икнул

[Никита икает]

Лена. И обоссался

Анна Львовна. Ну правильно, он одеялом хотел вытереться, и вот под руку попало

Никита. Как вдруг...

Лена. Как вдруг? Что вдруг? Он повалился на меня и начал лапать, он шепчет:

Никита. Аня, Анечка, рыбка моя, Анечка

Лена. Он трогает меня за грудь – я замерла, перестала дышать, тогда он

Никита. Что, что он сделал

Лена. Он залезает ко мне в трусы, я открыла глаза и сжалась

Никита. Он касается твоей вульвы, и ты заорала

Лена. А-а-а!

Никита. Что такое, что здесь происходит

Лена. Отец был пьян, его шатало, он вытащил меня из кровати и заорал

Никита. Ты чё себе позволяешь, это чё такое? Чё ты ноги свои раздвигаешь везде, тебе уже мужиков надо, да? Трахаться ей уже захотелось, ты посмотри на неё, ах ты шлюшка такая, ах ты ж мразь такая, а ну иди сюда, сюда я сказал

Лена. Я онемела, и слёзы тихо текли у меня по лицу

Никита. Кап-кап, плак-плак

Лена. Плак-плак, кап-кап. И мне никто не поверил, а ты, маленький, только проснулся от крика, и как-то забылось, меня раз в месяц начали водить к гинекологу проверять на девственность и заговорили про замуж

Никита. Клэр...

Анна Львовна. Но всё же они потом поссорились, и уже когда второй раз его позвали в Чечню, они порознь поехали. Ну что ворошить всё это, просто так, к слову вспомнилось, ты не веришь, но он нас спас – ты не помнишь уже, наверное, а мы голодали, я только слёзы в землю не сажала, хоть что-то хоть, хоть как-то хоть – и картошка росла, и чеснок сажала, свёкла, лук там, морковь – а здесь земля дрянная, чёрт-те-чем работала, всё брала, у нас-то там всякое росло, я у станции торговала этим вонючим луком, и

пахла им всю дорогу, и садилась на станции, и в город ехала в военкомат, ползала там, копейки эти выбивала нищенские, мне говорят

Никита. А ты взятку дай

Анна Львовна. А мне нечем тогда было – морковкой что ли

Никита. И тогда

Анна Львовна. А военкомом Витька-то сидит – думаю, это мстит он мне так, я даже не думала, что можно

Никита. И тогда

Анна Львовна. На последние деньги я купила коньяк, самый дешёвый – это позор, конфеты какие-то, села к нему на стол и

Лена. Трахни меня

Анна Львовна. Я угадала, вспомнил кобелина молодость, сам вокруг ползать начал, скулил потом, что с Толей меня познакомил, а тут в люди выбился

Лена. Марлезонский балет шёл четыре минуты с антрактом, куда делся коньяк до сих пор неизвестно

Никита. Ты позвала его на чай

Анна Львовна. Он всегда оставлял деньги после

Лена. В ящике прикроватной тумбочки

Анна Львовна. Жрать было нечего и я была страшно худая, и сделал меня секретаршей, у него была любовь

Лена. Куда делся ребёнок

Анна Львовна. И я забеременела, он, правда, хотел этого ребёнка, а я что – он сказал

Никита. Вот когда родишь, я разведусь, и ко мне переедем

Анна Львовна. А я ему – дудки, началось это перетягивание, и я заставила его жениться

Лена. А потом он внезапно умер – подчёркиваю, совершенно случайно

Анна Львовна. И я сделала аборт: тогда мне уже нечего было просить – всё есть. Я всё сама сделала, я торговала на станции, стирала чужие тряпки, детей нянчила – я сама воспитала сына, когда рядом никого не было – никого, одни чужие, все меня бросили, все умерли, а я живая, и всё у меня есть. Тогда, вот тогда

чѐ ты пришла с деньгами своими сраными – откупиться от меня что ли хотела, сучка такая? А раньше, раньше я спрашиваю тебя: где ты была?

Никита. Где, где ты была?

Лена. Где я была? В жопе! [смех] Я еблась, как дворовая девка, я пошла по рукам, как драная блядь, я еблась, чтобы вырваться, чтобы жить, чтобы быть счастливой, я еблась чтобы жить, а не гнить, чтобы сбежать от вас, я еблась за целый бордель, я еблась так хорошо, что имя моѐ забыли, и вместо него просто говорили «сучка», с придыханием – «сучка» – за те унижения, за ту боль, за ту нелюбовь – за то, как щедро били вы меня в детстве, что не поверили мне – я еблась, я драла себе рот, пизду и жопу – я совала себе хуи между сисек, в подмышки, коленки, я выдрала себя, чтобы жить, я прочищала стропами их волосатые задницы, я сувала туда пальцы рук и ног, ссала на их обвислые сиськи, садилась на их отѣкшие красные морды, я глотала их ненасытные взгляды, подставляя свои сладости под их кряхтение, прыгала на их чреслах, строя похотливые, нежные глазки, выбивая, высасывая из них сперму, я пила её цистернами, я подвешивала их на крюки и хлестала плѣтками, я рядилась в кого только можно – от врачей и секретарш до мамаш и героинь аниме, я была Пикачу и Марьей Петровной, я сносила всё, я срала на них в ваннах шампанского и придорожных мотелях, когда эти тюлени молитвенно надрачивали себе, клянусь, я еблась до мазолей, да, я пошла блядью по твоему примеру, забыла своё имя, я еблась, я еблась в кустах ночи напролѣт, но на рассвете мне пели крапивники, дрозды и мухоловки, я ублажала их всех – престарелых извращенцев и желторотых скорострелов, всех, у кого торчал хуй и свисали яйца, я пархала с письки на письку, как бабочка, как мотылѣк, отбивший себе усики, истерпавший свои нежные крылышки, полуслепший и потерявший пару лапок, пока не нашла его, того самого, который не делает мне своей палочкой больно там, которого я почти не чувствую там – и счастлива, счастлива не чувствовать его внутри – он, озолотивший меня за все страдания и мучения, за всю боль и лишения, за все

унижения, я, чуть не полюбившая его, я проклиная тебя и отца, слышишь, проклиная, тебя и отца, тебя и отца, отца и тебя, проклиная, проклиная, слышишь

Анна Львовна. Как ты смеешь, слышишь, как ты смеешь, ты лжёшь

Никита. Клэр...

Лена. Это ты лжёшь, ты злая, лживая, старая, как ты смеешь

Анна Львовна. [одновременно] Как ты смеешь такое говорить, ты — лживая, как ты смеешь

Лена. [одновременно] Как ты смеешь такое говорить, ты — лживая, как ты смеешь

Никита. Клэр

[Речь Анны и Лены распадается до набора звуков. Раздаётся звонок в дверь]

Никита. Клэр [Анна и Лена всё тише]

Никита. Товарищ военный комиссар, я всё решил, я не поеду на вашу кровавую войну, неужели сегодня уже такое-то число — я всё перепутал. Мне нельзя, поймите, у меня беременная жена, поздравьте меня. Товарищ военный комиссар, поймите меня, я совсем не хочу умирать, мне никак нельзя этим заниматься, товарищ военный комиссар, я всё понимаю, я горячо люблю Россию: как земляк земляку, скажите мне: сколько это будет стоить — простите, что так громко. Ввиду заслуг отца всего сто тысяч? Давайте восемьдесят, ну скиньте, товарищ комиссар, двадцать, моя мать овдовела в сорок с чем-то, отец был героем, разве что не привёз коллекцию скальпов — сойдёмся на девяносто? У меня как раз сегодня вылет, как скажите, как скажите, у меня с собой, к сожалению, только пятьдесят, собственно вот они, держите — купите себе свежего пломбиру и пачку презервативов. А теперь я имею право на телефонный звонок — дайте же мне воспользоваться этим правом, деньги будут как только так сразу, видит бог, я гол как сокол. Итак...

Клэр, я люблю тебя до безумья, до исступленья, о Клэр, отчего ты мне опять не отвечаешь, прости, что записываю тебе голосовое, слышишь, Клэр, я клянусь, я обещаю тебе, всё будет хорошо: я

купил нам два билета, пожалуйста, достань сорок тысяч, товарищ военный комиссар несговорчив, прости меня, Клэр, я люблю тебя до безумья, тело моё не в силах выдержать любви к тебе, о Клэр. Я знаю, что несмотря ни на что, ты любишь меня сильно и страстно, и я прошу тебя ради нашего сына — спаси меня, шепчу я тебе в трубку, спаси меня, я не хочу умирать, всего сорок тысяч, прости, что всё вышло так, но на тебя вся надежда. Бесконечно любя, твой Никита.

[Никита уходит, входит Клэр, ищет деньги. Приходит Анна с тортом]

Анна Львовна. Ой, Кларочка-солнышко, поздравляю, поздравляю тебя, мне уже всё рассказали, я тебе желаю – куда ты?

Клэр. Да, да, спасибо –

Анна Львовна. Ты куда, а торт? Ты что

Клэр. Сами торт свой блядский жрите

Анна Львовна. Куда пошла, стоять я сказала, сучка такая, ты как со мной разговариваешь?

Клэр. Отъебись, ведьма старая [уходит]

Анна Львовна. Вот мрази, вырастила на свою голову, тварь неблагодарная, что ж твориться-то, боже ты мой, совсем уже [ест торт]

II

[квартира Нины]

Ибрагим. Где она?

Нина. Кто?

Ибрагим. Я спрашиваю где она

Нина. Кто она?

Ибрагим. Камера где?

Нина. Нахрена тебе камера

Ибрагим. Я без неё не поеду

Нина. Какая камера

Ибрагим. Дедушкина камера

Нина. Ты опоздаешь

Ибрагим. Мне нужна камера, плёночная камера, ты её выкинешь

Нина. Зачем мне эта камера, ты вещи собрал

Ибрагим. Ты её спрятала, отдай мне камеру

Нина. Я не трогала

Ибрагим. Трогала, трогала – отдай мне камеру

Нина. Да где она

Ибрагим. Отдай

Нина. Собирай вещи

Ибрагим. Никуда не поеду без камеры

Нина. Я сказала собирай вещи

Ибрагим. Камера где

Нина. Где куртка?

Ибрагим. Ты туда камеру положила?

Нина. Куртка чёрная где?

Ибрагим. Не знаю никакой куртки

Нина. Чёрная кожаная

Ибрагим. Ни хрена не знаю

Нина. Ты её в парке потерял?

Ибрагим. ???

Нина. Куртка отцовская где?

Ибрагим. Ну она здесь я счас

Нина. Я тебя в канаве сейчас утоплю

Ибрагим. Ищу, ищу

Нина. Где она
Ибрагим. Камера?
Нина. Куртка
Ибрагим. Я не знаю
Нина. Ищи давай
Ибрагим. В канаве
Нина. Я тебя сейчас в душ отправлю
Ибрагим. Ищу, ищу
Нина. Придунок

[Звонок в дверь]

Ибрагим. Ты слышишь?
Нина. Что?
Ибрагим. Не слышишь?
Нина. Что?
Ибрагим. Звонок
Нина. Прячься
Ибрагим. Что?
Нина. Быстро в чемодан прячься

[Ибрагим прячется в чемодан]

Нина. Сейчас, сейчас – секунду... Да-да, иду... Иду-иду
Клэр. Мама! Мама, я так рада тебя видеть, мама, я так тебя люблю!
Мама, ты даже не представляешь, через что я сегодня прошла, это
был ужас, мама, это был такой ужас; я так тебя люблю, дай я тебя
обниму
Нина. Что, что такое, разуйся
Клэр. Я думала, я умру сегодня, это
Нина. Вылезай
Клэр. Ибрагим!
Ибрагим. [вылезая] Привет, а я придунок, ты знала? Я тварь
Нина. Хватит о себе говорить
Клэр. Ну скорее да, чем нет – а вы тоже все эти вещи?
Нина. У него через три часа самолёт, он куртку единственную
потерял, ему ехать не в чем, я в шоке
Клэр. А ему зачем, он студент
Нина. Я не хочу умирать, и, Господи, слёзно прошу тебя об этом

Клэр. Ибрагим, ты пьяный что ли?

Ибрагим. Я совершенно трезв, я ничего не пил

Нина. Его в июне отчислили, представляешь, а он врал, представляешь? Я в шоке

Клэр. А как так?..

Нина. А вот так, а вот так вот

Ибрагим. Ну простите, простите меня, будьте милосердны

Клэр. Ты ещё напился, да?

Нина. Средь бела дня, представляешь?

Ибрагим. Это неправда, я ничего не пил, я трезв

Нина. На Лиговке нашла, веришь? Ну чучело – я тебе ещё звоню, ты трубку не берёшь

Клэр. Я не слышала. Нет, ты всё не так поняла, у меня просто сегодня день какой-то безумный, вы куда билеты взяли, их вообще нет уже

Нина. До Владикавказа, потом на маршрутке до границы – нигде нет, а я нашла, тоже вот, привезла этого вот, потом на работу бегом, мне на день, представляешь, раньше, сказали, не дадут, там, сыну билет, мне Ирка десятку одолжила, я думала, ну как раз сорок дома лежит, и на карточки три, а дома двадцать – куда те двадцать делись, не помню. Я в ломбард, мне говорят пять – а это серебро, высшей пробы, они целое состояние стоят, бабушкины-то, ну вот правда, я думала, я расплачусь, я им кольцо кинула, видишь, цепочку эту, и того семь, гады, а? Я завтра же их к чёртовой матери выкуплю, я вот домой, этот рыдает, камеру ищет я билеты смотрю опять, там уже безумие какое-то: семьдесят, восемьдесят, какие-то сто двадцать уже – тут мне Ирка звонит, говорит: вот по старой дружбе за шестьдесят есть, я, мама родная, чуть в обморок от этой старой дружбы не упала, что вот они переоформят, я говорю давайте, сама это бегу в контору эту, кредит взяла, представляешь, на билет, подписала там что-то, Ирке кинула там в конце концов, она скинула билет этот, вот только что это, а этому ехать не в чем

Клэр. Ну ты взмокла, где у вас стаканы стоят, я тебе воды принесу

Нина. Там вот

Клэр. Вы только подождите меня, я сейчас, мне тоже рассказать надо, секунду – и тебе сейчас принесу, ты полумёртвый весь

Нина. Ну всё хватит

Клэр. Я просто спросила, как он так напился – нельзя ж так, вот ты бы меня убила прям вот на ровном месте

Нина. Ты что пришла, ты хочешь что-то сказала?

Ибрагим. Mam

Нина. Нашёл?

Ибрагим. Mam, она права, нет: я же, правда, скотина.

Клэр. Я не говорила этого, это не так

Ибрагим. Это так, это так – всё так. Я трус, я подлец и я ненавижу себя, мне до усрачки страшно, я не могу так, меня трясёт, ты видишь, я трус, я боюсь – я боюсь стать убийцей, я не хочу умирать, я поклялся себе, что, скорее, убью себя, чем другого, оккупантом [sic] Я не хочу, не хочу – я не хочу умирать, мне стыдно

Нина. Ну всё, всё хватит – успокойся. Вспомяни

Ибрагим. Не могу, всё валится из головы, у меня не получается, я хочу кричать, понимаешь, кричать, я спрыгну из окна, если не найду

Нина. Отдай ему куртку

Клэр. Не говори такое, мама права, надо сесть и подумать

Ибрагим. Нет, так и будет, так и надо, я трус, мы все трусы, мне надо сдохнуть, я

Нина. Прекрати, у тебя истерика, выпей воды, успокойся

Клэр. Да, надо успокоиться, прийти в себя, посмотри, зато мы все вместе, мы все друг у друга есть, мы семья, мы все рядом, мы любим друг друга, мы поддерживаем друг друга, да – помогаем, мы дома

Ибрагим. Слышишь, гарью пахнет?

Нина. Тише, тише, всё будет хорошо, ты меня слышишь – ты плачешь? Боже ты мой, он плачет – ну всё, всё, тише, тише

Клэр. Тише, тише, успокойся, правда, всё хорошо

Нина. Всё уже, всё, давай

Клэр. Мама, ты такая добрая, мама, я так тебя люблю, что мы снова рядом, что мы опять вместе, я тоже сегодня плакала, если бы ты только знала, что я пережила сегодня, мама, я так тебя люблю

Нина. И я тебя люблю, ты знаешь, я очень сильно тебя люблю – я сама сейчас, ну всё, ну хватит, надо ну давайте, немного совсем

Клэр. Мама, постой, пожалуйста, подожди, я должна кое-что тебе рассказать. Дай руку, я волнуюсь

Нина. Какие у тебя руки холодные, ты замёрзла что ли

Клэр. Я просто сильно волнуюсь

Ибрагим. И всё же я умру за свои грехи

Клэр. Я сейчас расплачусь, я так не могу, вы меня совсем не слышите, вы злые, злые люди

Ибрагим. Да, я скоро умру, да, не переживай, я умру за свои грехи и за твои грехи, да, ещё раз да, потому что я заслужил это – но я хочу жить, жить снова и снова – я буду, слышишь, я буду

Клэр. Какие грехи в двадцать два года, какое жить, куда – что ты несёшь?

Нина. Вот она! Придурок, под кроватью, сволочь такая, под кроватью, ты мне скажи, как она там оказалась?

Ибрагим. Мама, ты ангел

Нина. Быстро, быстро давай

Клэр. Подожди, я должна тебе рассказать

Нина. Ну что такое

Клэр. Ты меня не слушаешь

Нина. Ну что, что

Клэр. Дай руку, давай сядем

Нина. Куда сядем

[салятся на пол]

Клэр. Я совсем по-другому себе это представляла... Мама, я очень тебя люблю. Я счастлива, я рада, что

Нина. Я умоляю, только не тяни

Клэр. Я счастлива, я рада, я горжусь собой и хочу, чтобы ты тоже мною гордилась, чтобы ты тоже поделила со мной это счастье...

Мне так неловко, я очень тебя люблю – мама, мне очень нужны деньги сегодня, совсем немного – двадцать тысяч, я беременна

Нина. Пойди сделай аборт, – деньги, деньги – ещё денег надо, всем денег надо – а нету, всё! Нету, нихера нету – гречкой отсыпать могу, хочешь? Ковёр дам

Клэр. Мама, мне, правда, больше не у кого просить, нам не хватает на билет Никите – двадцать тысяч, ты понимаешь?

Нина. Ну одолжи у подруг, возьми кредит

Клэр. Я за телефон ещё не вернула

Нина. Дура

Ибрагим. Мама, это несправедливо, мама, это нельзя так – почему ты всегда любила меня больше, это же так нечестно, и врала, что любишь нас одинаково, я не хочу так – это неправильно, это нечестно, не надо плакать, дай я тебя обниму

Клэр. Я умоляю, помоги мне

Нина. У меня ничего нет – всё, ничего нет, а ты дура, он тебя бросит

Клэр. Ты врёшь, я буду рожать, и мне нужны деньги

Ибрагим. На, держи – забирай все, тут хватит

Нина. Положи деньги, я сказала нет – это тебе деньги, не ей, я не дам

Ибрагим. Это мои деньги, я сам решу, что с ними делать

Клэр. Половину

Нина. Это его деньги, убери обратно

Ибрагим. Я их не заслужил, это не мне, они твои

Нина. Я сказала нет

Клэр. Пожалуйста

Нина. Нет, пошла вон

Клэр. Но мама

Нина. Я всё сказала

Ибрагим. Я их порву сейчас, я их выброшу из окна и паспорт выкину, я сожру его, если ты не дашь, я порву их

Нина. Отдай мне деньги

Клэр. Мама, пожалуйста, послушай

Нина. Я сказала нет

Ибрагим. Тогда я, мама, я на войну поеду, ух как поеду, мы их раком поставим, мы их ебать будем, фотографируй, мама,

документируй, выучи каждое моё слово. Мы их расстреливать будем, запытаем чертей проклятых, как чертей проклятых, плакать они у нас будут – снимаешь? снимай – а мы их тра-та-та, мы им тра-та-та устроим, мы поедem туда и ебать их будем, раком поставим – снимаешь? Кровь моя кипит, бьётся в моём сердце светозарной свастикой, алчу я их крови, я хочу крови этих ублюдков, этих зверей: убить гадов, вырвать сукам кишки и запихать обратно, чтоб дристали они, слышишь, мама, я тебе говорю, будут раком у нас стоять харкаться и молиться своему Бандере, наркоманы, чтобы страх у них по венам тёл, чтоб дрожали выблядки, ты этого хочешь? Или хочешь, чтоб дрожали они и ссались от сапогов наших, от танков наших, они же, мама, они же все выблядки, мама, мы сапогами говно ихне отобьём, они ссаться будут – а мы их детей ихних ебать заставим, – снимаешь? – ебать и жрать, чтоб детьми давились они, мамок своих ебать будут, и дохлых будут, а потом жрать горячими будут, попотеют они у нас, мама, землю с голодухи жрать будут, они кости сосать друг друга будут, да, мама? От счастья плакать будут, визжать будут, визжать и ссаться, радость-то какая – сдохнут, а знать будут, что такое Родина, с прописной буквы Родина: мы им, мама, глаза паяльникам выжжем и яйца отрежем, и кровь они кровь друг у друга пить будут, скоты вонючие – правда, мама? Ничего от них не останется, везде запоёт святая война, чистая, чистая, как слеза ребёнка – встаёт Россия с колен, да, мама, и будут они нам ноги целовать, – фотографируй, держи – пронесёмся мы по белу свету от Аляски до Львова, и жизнь станет, как пломбир за девятнадцать копеек, потечёт из фонтанов газировка, станут добрее люди, мы поскачем по черноземью малоросскому на реактивных бурятах и дрессированных якутах, и воцариться над миром новая Россия, вознесётся в далёкий космос нежной бабочкой, и на левом крылышке её будет великий Сталин, а на правом – преподобный Сергей Радонежский, посмотрит на нас Христос сверху, заплачет и на землю вернётся – и всё для тебя, мама

Клэр. Скотина, вот скотина какая, скотина

Нина. В душ, я сказала в душ, немедленно, в душ, что ты несёшь такое, я сказала в душ

Клэр. Мама

Нина. В душ, в душ – быстро я сказал, сумасшедший, придурок, быстро я сказала

Клэр. Мама

[уходят]

Клэр. Мама

[Клэр достаёт кошелёк и забирает деньги]

III

[темно. Клэр беременна]

Никита. Ты меня слышишь – шёпотом, говори шёпотом, никто не должен слышать

Анна Львовна. Ты ли это, это ты – Расскажи мне

Никита. Я нельзя, всё потом, я обещаю – нас никто не слышит?

Анна Львовна. Никто, совсем никто, я одна, аллю

Никита. Хорошо, хорошо. Всё будет хорошо, я задерживаюсь, понимаешь, нас отправили далеко-далеко и никак не отпускают, говорят одно: нельзя, рано, вы нужны здесь – всё рубежи, рубежи, рубежи

Анна Львовна. Это неправда, это я сплю, это мне снится

Никита. Всё будет хорошо, я прошу тебя, не расстраивайся, ты знаешь, как мне тяжело, не делай так

Анна Львовна. Как же так, это что такое, как же так, полгода, уже прошло полгода, у тебя отпуск

Никита. Мама, пожалуйста, это бесполезно, это всё не надо – держи себя в руках, ты самая сильная, держись, держись

Анна Львовна. Я сплю, это мне снится

Никита. Не накручивай себя, всё хорошо – дыши, за вдохом выдох, и так по кругу, не говори Клэр, она сильно расстроится, понимаешь, здесь совсем не ходит поездов, а без них никак

Анна Львовна. А если мы отправим тебе лошадь

Никита. Хоть целый табун, не поможет:, я бы приехал хоть на палке

Анна Львовна. Скажи мне, что всё хорошо, скажи мне, что ты жив и здоров, скажи мне

Никита. Всё прекрасно, всё хорошо – как ты и сказала, только невыносимо скучаю, только не плачь, мне от этого только хуже

Анна Львовна. Я умоляю тебя

Никита. Тебе отсюда часто передают приветы

Анна Львовна.

Господи я прошу тебя,

Господи, помилуй его,

Господи, помилуй его и меня,

Анна Львовна. Скисла земелька, сгнила – утекла, одни палки торчат, голые-голые – на держи вот – рябинка, красавица

Клэр. Куда столько, она ж не возьмётся

Анна Львовна. Всё возьмётся, всё будет – а то стоит раз палка, два палка – чтоб зелено было, давай вот так их. Ты мне скажи, они переопылятся?

Клэр. Нет. Анна Львовна, отдайте лопату

Анна Львовна. А вот ты знаешь, я вот хочу, чтоб они в шашечку рябинки были

Клэр. Вот так

Анна Львовна. Да, чтоб тут красненькая, а тут опять чёрненькая, а потом красненькая – чтоб весёленько, как бы их вот так скрестить вот

Клэр. Если скрестить, то чёрная будет, всё равно будет

Анна Львовна. Вот уродцы кровь портят, опять лезут, скоты проклятые; больше лей, больше – вот так. А вот как их сделать, чему вас там учили – чтоб вместе были, да, красная и чёрная – чтоб рябчатая была

Клэр. Можно привить, да – Анна Львовна, вы меня слышите? Это когда вот веточку вот так вот, да – видите? Да, и в ствол, они срастаются и вот по-разному будет, видите?

Анна Львовна. Не приживётся, всё сдохнет, к маю сдохнут все – жару обещают, сохнет всё. Что тут земля – это так, вот у нас в Харькове, когда я маленькая была – вот это земля была, я в детстве было, я маленькой на персики лазала, и счас бы залезла, розовые, сладкие, потому что земля была – земля! – чёрная, жирная, палку ткни, она зацветет, нет, я хорошо помню Харьков

Клэр. Аккуратнее, куда ж вы так – будет вам, всё вам будет – вы здесь? Анна Львовна, вы опять не спали, что вы так, нельзя так, что вы себя мучить, спокойнее надо, спокойнее, вы мне сами говорили: спокойнее. Что вам эта рябина сдалась, её только птицы клюют

Анна Львовна. Я подошла как-то к маме в детстве и спросила: «А я суржик?»

Клэр. Как так можно себя не жалеть, Анна Львовна, вы сегодня спали или опять всю ночь в саду гадали? Два дня, Анна Львовна, два дня нам ждать осталось, давайте Анна Львовна, давайте досадим эту рябину сраную, я уже мёрзну, мне нельзя такое, я приличная

Анна Львовна. Суржик, суржик, – говорит она мне: мама русская, а папа украинец

Клэр. Анна Львовна, вам нельзя по ночам в саду гулять

Анна Львовна. Мне он снился в крестильной рубашке – покойник, и я плакать начинаю, похороны у меня перед глазами

Клэр. Анна Львовна, вам надо больше спать

Анна Львовна. Тела-то не было, мы его кремировали

Клэр. А что вы тогда кремировали? Анна Львовна, вы спите?

Анна Львовна. Нам две ноги пришло – и даже гроб не купишь, они ж болтаться туда-сюда будут, срамота-то какая, вот в детский, да и то если – ты подумай – и мы его сожгли, а он крещёный был – я уже не помню, как это всё на самом деле было, я помню только его в длинной-длинной рубашке, он смотрит на меня пустыми глазами, хочет что-то сказать, но

[темно]

Никита. Мама не двигайся, не кричи – тихо, тише. Замри и аккуратно дыши глубоко: я рядом

Анна Львовна. И да, я совсем не помню дня похорон – всё было обычно

Никита. Дыши свободней и нежнее, расслабь тело, очисти ум – никаких мыслей

Анна Львовна. Был ноябрь промозглый, гадкий ноябрь, двенадцатое ноября, да – полтора месяца я ждала тела, этого я совсем не помню, это невыносимо

Никита. Ты готова – готовься, больше счастья, улыбнись шире, расскажи о счастье – нет, нет, молчи – не выдавай меня, я хочу счастья: не двигайся. Медленно выдыхай.ю меня просили передать, что я не приеду совсем

Анна Львовна. Да-да, мы познакомились лет страшно сколько назад каким-то жарким днём прямо тут в парке, да – мы играли в

мяч, я забросила его высоко-высоко на дерево, как вдруг молодой человек

Клэр. Продолжайте, Анна Львовна

Анна Львовна. Не помню

Клэр. Анна Львовна, продолжайте

Анна Львовна. Не помню

Клэр. Анна Львовна

Анна Львовна. Ты одно мне скажи, ты жив?

Никита. Вспоминай

[дома]

Анна Львовна. Не двигайся

Клэр. Я стою

Анна Львовна. Замри

Клэр. Я стою

Анна Львовна. Кларочка, прости меня пожалуйста, я прилягу, у меня глаза кругами пошли, Кларочка – принеси аптечку пожалуйста

Клэр. Анна Львовна, Анна Львовна

Анна Львовна. Принеси, принеси. И водички. Спасибо. Кларочки, прости меня пожалуйста, Кларочка сядь

Клэр. Может вам скорую?

Анна Львовна. Кларочка, как я перед тобой виновата

Клэр. Что такое?

Анна Львовна. Там Никита звонил. Запомни: важнее всего ребёнок, если надо, ты думаешь, если надо, то за него грызться надо. Запомни: если убить надо, ты убей, но ребёнка не дай

Клэр. Для начала надо выпрямить спину и вытянуть руки вдоль тела, голову ровно: встаёшь на мысочки и на вдохе поднимаешь вверх руки, раскрываешь ладони, каждый пальчик

Анна Львовна. Прости меня, я плохо слышу, но Никита сказал, что не приедет, совсем не приедет, его забрали, честно говоря, я хочу спать – безумный день, столько дел, столько дел

Клэр. На выдохе пускаешь корни, тело постепенно деревенеет, руки поднимаются ещё выше; из подмышек, локтей и пальцев

начинают расти ветки, набухают почки. Лицо исказилось гримасой

Анна Львовна. Прости меня, я ничего не знаю – так и сказал, это я виновата, но как же так вышло – как же так бросить, да – одних, самих по себе

Клэр. Ложитесь, Анна Львовна, пора спать, уже очень поздно, вы очень устали, ложитесь

[Анна Львовна засыпает. Клэр глотает в ванной всевозможные таблетки]

IV

[больница. из окон – свет фонарей]

Клэр. Ты мне снишься?

Нина. Не знаю

Клэр. Я ничего не знаю

Нина. Нам надо поговорить

Клэр. О том, что я воровка и шлюха?

Нина. Люди спят

Клэр. Что ты здесь делаешь – который час?

Нина. Не знаю, полпервого – как ты себя чувствуешь?

Клэр. Не знаю, плохо

Нина. Ты напилась?

Клэр. Я пыталась себя убить, зачем я жива?

Нина. Там дверь выломали

Клэр. Ну и похер, пусть хоть стену себе выломают, это она тебя рассказала?

Нина. Она сюда на скорой приехала

Клэр. Как тебя сюда пустили?

Нина. Надо – пустили. Я хочу с тобой поговорить

Клэр. Кто ты такая? Я ничего не вижу. Кто ты такая – имя, мне нужно имя

Нина. Я дышу – вдох-выдох, вдох-выдох – я дышу

Клэр. Я ничего не помню, ничего-ничего – совсем; здесь плохо видно, назови своё имя

Нина. Протяжный вдох, мимо

Клэр. Не вижу, я снова не вижу – где ты? Назови своё имя

Нина. Я делаю выдох

Клэр. Я плохо слышу, ты что-то сказала? Пошла вон, я сказала вон

Нина. Нам надо поговорить

Клэр. Говори, да, я слышу твой голос: что ты мне хочешь сказать, имя – ты меня жрёшь

Нина. Ребёнок, там глубоко внутри живота – тук, тук, тук

Клэр. Ребёнок, ребёнок – тук-тук-тук. Кто ты, назови имя

Нина. Аберрация памяти, вдох – ты помнишь,

Клэр. Ты меня жрёшь, ты хочешь меня внутрь и снова наружу—
переварить, пересобрать меня, имя, назови своё имя — кто ты?

Нина. Меня зовут Клэр

Клэр. Ты врёшь

Н. Меня зовут Клэр

Клэр. Ты врёшь, как тебя зовут

Нина. Меня зовут Клэр — Клэр, слышишь, Клэр. Только одни имя
— меня зовут Клэр — ты слышишь. Там, за окном, там нет никого
и ничего — я хочу с тобой поговорить, ничего нет снаружи. Я
ночью целовала руки — твои руки, мои руки — покажи свои руки:
чьи это руки

Клэр. Здесь темно, я ничего не вижу

Нина. Куда ты сбежала — ты видела сны поперёк и крест-накрест,
ты снова бежишь

Клэр. Бежать, снова бежать: куда тебя и в этот час? — надо бежать,
жди: имя

Нина. Клэр, разве ты не видишь эти руки? Смотри: руки, твои
руки, мои руки, руки. Плечи, смотри на эти плечи, на свои плечи
— плечи, шея, скулы, брови. Я люблю твои руки, я люблю мамины
руки: из них растут ветки, набухают почки и я превращаюсь в
дерево

Клэр. Ты бежишь со мной и братом на руках по проспекту? Была
зима, ты говорила: ах, простите, морозы, у меня на морозе всегда
бежит носом кровь. Куда тогда бежала кровь?

Нина. Выдох, абберация памяти — как ты говорила? мимо — я
бежала мимо, ночной город, и снова — мороз

Клэр. Дрожать на морозе, я смотрю из окна: и девушка бежит
дворами с двумя детьми на руках — отчего она улыбается

Нина. Она плачет тише, она плачет тише и тише — дыши тише и
тише

Клэр. Куда ты бежала в ту ночь

Нина. Я бежала к маме. Она налила коньяк и дала мне выпить

Клэр. Она говорила мне всё детство: дурная кровь, и продолжала
любить. Она говорила так, когда ей было плохо, когда у неё болели
ноги и не помогали пиявки, она завывала по ночам и боялась, что

ты сдашь её в дом престарелых, на ногах выпирает две косточки, пожелтевшие ногти; на ночь она клала себе в рот ватку смоченную чем-то, чтобы не кровоточили дёсны, по утрам она громко харкалась. Я поклялась умереть в двадцать четыре, чтобы не было ровно, а теперь – сколько мне лет? Я не помню

Нина. Тебе три года, ты девочка, тебе налили сладкого чая, да, мы снова ссорились с бабушкой, тебе было три года, Ибрагиму – год. Я видела своего отца однажды, мама привезла меня к нему, я помню море: Чёрное море, он жил в Сухуми. Старый город, мама купила на рынке мушмулу и абрикосы. Там – колючая галька, мама много смеялась и плавала брассом. Она укладывала меня спать и уходила в город, она что-то искала и нашла. За столиком сидел мужчина, мы подошли к нему, она сказала: это твой папа, я сказала: здравствуйте, – и мы пошли смотреть обезьян, он дал мне тяжёлый старый фотоаппарат в кожаной кобуре. Мы ходили от вольера к вольеру, там жили лысые обезьяны, мне сказали, что над ними ставили опыты. Он говорил мне: фотографируй, – а мне было неловко, меня пугали обезьяны, он сказал: фотографируй, – я просунула объектив сквозь решётку и – щёлк, щёлк, щёлк. Он куда-то ушёл. Наверное, он умер на войне – я не знаю – и подарил мне фотоаппарат

Клэр. Я помню отца по фотографиям – он всегда оставался плоским: альбом, зеркало – два наших с тобой отражения. Глаза, посмотри, глаза: мои глаза – его глаза, карие. Кем он был?

Нина. Чем-то вроде бандита

Клэр. Он говорил: слушайся, он говорит молчи. Все говорят всё говорят обо всём говорят, а я слушайся. Так нельзя, и вот так нельзя, а ещё это нельзя – я ручная, я дура, я просто так, я молчу, а мне говорят: не ты ли мне говоришь? А кто говорил тебе – она, а ей? Он, они? Они говорят, ты можешь сказать только о том, как научиться молчать, поэтому я говорю сейчас, слышишь? Я говорю, слышишь? Я говорю: скажи – и ты слышишь? Можно только молчать, сделаться белой-белой, чтобы можно было говорить при мне, поверх меня – что, что не так?

Нина. Вменяют вину, вменяют молчание. Нас сделали сподручными и полупрозрачными, угодливыми и услужливыми, удобными в употреблении и хранении. Кто я, – чтобы ответить на этот вопрос, речь должна разбежаться, прервать, раздробить молчание: фотографируй на память

Клэр. Я устала, я хочу спать. Я выбилась из сил, я не могу. Ты спрашиваешь: почему, ты говоришь: зачем? – мама, я до сих пор люблю его, я любила его до дрожи и боли в горле, мне было страшно, всё только-только началось, и тут: Никита собирается на фронт, я не могла в это поверить, но я говорила с ним. Мне говорят, что я должна была не пустить его любой ценой, что я должна была сделать – порвать паспорт, вцепиться намертво в ногу, сломать ногу, порвать, в конце концов, ногу, но не пустить его. Это ясно: он идёт убивать, и я должна, что я всё равно виновата, что люблю его дальше, что я ничего не сделала с этим – будто я не пробовала. Я говорила, я скандалила, я шантажировала – я поняла: мне нельзя его ломать, тогда я подчиню его себе и на этом всё кончится – нельзя: вся моя жизнь была та-та, чтобы мы встретились с тобой – нет его, значит, нет меня, я хотела любить целиком. Мне стало страшно и невероятно свободно от этой мысли, что-то щёлкнуло где-то внутри и замкнулось, я гнала эту мысль, ему тяжело дался август, они в очередной раз прогорели, и она его допилила: он ходит и курит, будто здесь он никому не нужен, что жизнь у него вообще не та, как надо, что он бегать не будет – ему тогда повестка пришла, он сказал, что всё, он собирается – и деньги нам нужны на квартиру. Я не знала, что делать, и я решила забеременеть: я перестала пить противозачаточные, как дура, убежала в ванную, в берёзке стояла и через несколько дней пришла с тестом, а он всё равно – уехал, как же так, мама?

Нина. Я люблю тебя, я буду любить тебя – прости меня, что вела себя как дура, что не услышала тебя, я виновата

Клэр. Мама, ты здесь? Мама, я слышу тебя, прости меня, мама – я люблю тебя, я всё тебе верну – где ты, мама, ты здесь? Алло, мама – я плохо тебя слышу, я люблю тебя – ты мне веришь?

Нина. Ты мне веришь, алло, я люблю тебя — я прошу тебя, прости меня

Клэр. Мама, я буду рожать, я хочу воспитать моего ребёнка, мама, ты здесь — мне сказали, что я смогу родить, я хочу воспитать его, мне сказали, что у меня очень поздний срок, что уже нельзя, мама, это знак, я прошу тебя

Нина. Я слышу, слышу, я здесь, я помогу тебе, давай уедем отсюда на море, я прошу тебя, я продам квартиру и мы купим дом в на берегу

Клэр. Мы будем жить сами в доме и гулять по морю, да, я прошу тебя, если только ты можешь, да, у моря— я стану самой счастливой, я рядом

Нина. Я рядом, мы будем жить с тобой на берегу

Клэр. Подальше от этого города

Нина. От его страха и муштры

Клэр. Мы будем жить на песках под соснами, где ветер и птицы

Нина. Мы будем сами растить еду

Клэр. У меня будет девочка, я назову её Ниной, как тебя, у неё будут твои руки

Нина. Как ветки, на них вырастут листочки

Клэр. Мы уедем, мы уедем сейчас

Нина. Пока все спят и никто не слышит

Клэр. Тише

Нина. Мы будем долго-долго говорить вечерами

Клэр. Мы преодолеем

Нина. Мы будем бороться за это счастье

Клэр. Мы станем этим счастьем

Нина. Мы сделаем всё сами

Клэр. Мы будем счастливы

Нина. Да будет так

Клэр. Аминь

[сирена. схватки. старик в кожаной куртке]

Клэр. [крик] Куда мы едем, который час? Дайте мне руку

Лена. Дыши, глубже дыши

К. Лена, это ты? Лена, я не вижу

Л. Это неважно, возможно

Клэр. [крик] Куда мы едем, где мы? Куда вы меня привезли, откуда всё это, где вы это всё взяли — что это?

Лена. «Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... И теперь я как маленькая»

Клэр. Откуда ты её взяла, скажи мне, откуда? Я совсем сошла с ума, дай мне руку, я не могла умереть — нет, это другая комната, она чужая — у меня не было этих игрушек, я спрашиваю ещё раз, чья это комната?

Лена. Дыши, глубже дыши, я прошу тебя

Клэр. Это краденое, это не моё, это всё надо вернуть, чьё это? Скажи мне, чьё это?

Лена. Не двигайся, тише — вот так, не смотри ему в глаза

Клэр. Отчего мне так горько — я ничего не помню, я счастлива, но он не даёт мне покоя, он — он подлец, он тварь, он мразь, он ничего не знает и не хочет: «К чёрту его», — мне хочется крикнуть, но куда? Открой окно, я крикну туда: «Скотина! Иди ты нахуй! Выблядок!» — а он не услышит. Не молчи, я прошу тебя, скажи мне хоть что-то — я бросила курить, но до сих пор хочется, помогают разговоры: я больше не курю, мне нельзя, мне нельзя умирать, меня зовут Клэр, прикурить не найдётся?

Лена. Это твой папа

Клэр. Отец умер молодым

Лена. Это твой папа, ну же, поди поздоровайся

Клэр. Что он от меня хочет — это не он

Лена. Поди, поди поздоровайся

Клэр. Никита, это ты? Никита?

Лена. Тужься, тужься, дыши, дыши

Клэр кричит.

Лена. Давай, ещё сильнее, давай

Клэр кричит.

Лена. Вот так вот, вот так вот давай

Клэр. Кто? Если девочка, запишите: Нина — запишите, Нина, её будут звать Ниной, да, как маму, ну же дайте мне её на руки, иди сюда, иди ко мне — ну, дайте же мне её, отдайте мне её

Лена. Девушка, подождите, она мёртвая, подождите, мы обмоем её и выдадим, подождите девушка, к чему такая спешка

[Старик подходит к Клэр]

Клэр. Пошёл вон отсюда, пошёл нахуй я сказала, сдохни, иди к чёрту — ненавижу, уйди, я тебя ненавижу

Ибрагим. Дубовый листок оторвался от ветки родимой. Нет, не так. Я ехал на перекладных до Тифлиса. Нет, не то. Смешались люди, собаки, велосипеды, на кожу липла пыль и скатывалась в грязные ниточки — великое человекостояние, там плакали дети. Я плохо помню, как добрался до Ларса, я спал всю дорогу, я купил на последние деньги воды, в самолёте я спал, да-да, крепким-крепким сном. Дети взрывались, как гранаты, начинённые громким криком. А там через Чёрное море, Чёрное-Чёрное море — сколько плыть на пароходке? — там война, там Украина. О ней страшно думать, о ней страшно помнить — о ней невозможно думать, потому что так быть не может, не могут умирать дети, не могут умирать люди, нельзя пытаться и убивать — и слова мои сбиваются, слова мои путаются, кое-как меня довезли до Тбилиси, и кончился этот пыльно-потный ужас, а там, через Чёрное-Чёрное море ужасу нет конца, горю нет конца, плачу нет конца, первые дни я спал на чьей-то кухне в Сабуртало. Вы просыпались от того, что на вас пролили молоко со словами: «Блять, ну что ж за ёпта», — нежное пробуждение, с добрым утром и день пусть добрым будет. А ещё флаги: я помню сине-жёлтые флаги: по пять, по восемь штук на каждой улице, по двенадцать, они свисали с балконов — яркие, неужели так было можно, неужели таксисты могут материть диктаторов? Я снова просыпаюсь и мыслю: неужели есть смерть, неужели возможна война — как можно железом выбить жизнь из тела, какой силой, какой злобой? Я умру, и моё тело — куда, кому всё это? Какое счастье чистить зубы или пить чай. Я не знал, что делать и пошёл на пункт фасовать гречку для украинских беженцев, вот оно счастье — упорное и верное, до изнеможения, это радость, когда знаешь, что надо делать и делаешь. И как странно — хотеть упасть к ним в ноги и не мочь: им не надо — они не проклинают нас, им

неловко, когда перед ними извиняются русские – как будто за это нельзя выпросить прощения. Но поздно – прошу прощения, я не буду вас утомлять, мне пора – я скоро, до скорого, пока, пора – прощайт

V

[дяды. торт]

Клэр. Раз вы молчите, я скажу. Он умер — мы тоже молчали, на сорок дней молчали, а теперь говорим. Умер. Как я на него злилась, а он умер. Подлец. Он даже не хотел, а он всё равно умер. Скотина. В ушах звенит — скотина, куда собрался, звенит от этих слов. Скотина. И тянутся гудки. Я ждала, я билась, я — дралась, я ждала, а он не отвечал, он молчал, а как сдох — я собакой приползла, не заслужил. Собака. Сдох и хер с тобой, а я плакала, все мы плакали. Куда же ты сдох, паршивый, скажи мне? Как ты посмел умереть? Я почти не спала, звон стоял в ушах, не спала, я видела: мы вдвоём, мы шли вдвоём по осеннему лесу в белых робах, босые, но ступни наши не чувствовали ни земли, ни камней и листья не шуршали у нас под ногами, не было вокруг нас ни зверей, ни птиц, но повсюду были чьи-то раворошённые гнёзда, скорлупки и перья, там было ни жарко, ни холодно — мы шли кругами по лесу вниз, к огромному озеру, мы шли и говорили что-то друг другу, мы шли и говорили друг с другом, никто ни разу не перебил другого, ты держал руки за спиной и смотрел под ноги, я смотрела на ветки, и ты говорил так складно и умно, что я сначала терялась, ты никогда не говорил так, ты задавал вопросы, а я спокойно отвечала, будто уже всё произошло, ты рассуждал вслух и смотрел на ветки, на пустые гнёзда, а я отвечала — вот я закрываю глаза и вижу, мы опять гуляем с тобой, я закрываю глаза, и ты снова здесь в белой робе идёшь со мной круг за кругом, вниз, к бездонному озеру, небо висело на ветках, как в сетке, ты смотришь туда своими умными глазами, я напрягаю слух, я пытаюсь расслышать твоих слов, но вместо них я слышу, я явственно слышу — ты шуршишь листьями, они забили тебе горло, они лезут из твоего рта, они шуршат громче и громче, твой голос, сухой и хрупкий — листопад, ты не смотришь на меня — и вот я открываю глаза, я здесь, но я слышу твоё шуршание и нет ему конца, ты как-то спросил

Лена. Зачем мы идём к озеру?

Клэр. И я без трепета ответила

Анна Львовна. Я должна тебя утопить
Клэр. И мне ни больно, ни страшно. Я спорю с тобой, но тело моё
не чувствуют усталости, ноги мои не устают, мы спускаемся всё
ниже и ниже
Анна Львовна. Ниже и ниже
Лена. Ниже и ниже
Клэр. Я продолжаю жить
Лена. А ты говоришь
Анна Львовна. Я отвечаю
Клэр. А ты говоришь
Анна Львовна. Я ем
Лена. А ты говоришь
Клэр. Я отвечаю
Лена. А ты говоришь
Анна Львовна. Я забыла, я ищу что-то
Клэр. А ты говоришь
Анна Львовна. Я отвечаю
Лена. А ты говоришь
Клэр. Я куда-то иду
Анна Львовна. А ты говоришь
Клэр. Я там
Лена. А ты говоришь
Анна Львовна. Я отвечаю
Лена. Я живая
Клэр. Ты умрёшь, ты умрёшь, потому что можешь, потому что ты
сдался, потому что не боролся, за это тебе, я вижу, за это тебе
канавы, канавы прозрачной холодной воды. Ты предатель
Анна Львовна. Мы стоим на берегу озера
Лена. Ты шуршишь всё тише и тише
Анна Львовна. Тише и тише
Лена. Тише и тише
Клэр. Я протягиваю тебе руку
Анна Львовна. Ты даёшь мне свою и разворачиваешься лицом
Лена. Я вижу твои глаза, они смотрят сквозь
Клэр. Шаг за шагом ты исчезаешь

Анна Львовна. В прозрачной холодной воде

Лена. Я заговорила тебя

Клэр. Я победила

Анна Львовна. Я жива, а тебя больше нет

Лена. Я подхожу к воде

Клэр. Ты умер в ноябре, в листопад, двенадцатого числа, отступая из Херсона, ты убийца

Анна Львовна. Моя очередь задавать вопросы

Клэр. Я разучилась читать, буквы складываются в слова и тут же, смеясь, рассыпаются, я смотрю картинки: страшные фотографии войны

[описание документальных кадров из Херсона]

Лена. Бескрайняя лужа сбоку у дороги, на краю стоит человек в кепке-кнопке, позади него сине-зелёный пакет, синим тазиком он черпает воду и отражается в луже

Анна Львовна. Много людей в зимней одежде, человек берёт хлеб, буханка упирается в щеку, и по ней плывут морщинки, в руке ещё одна булочка, красные волосы слегка припорошило снегом

Лена. Ровно по центру молодой русый человек стоит на фоне палисадника, смотрит немного в бок, то ли делает шаг, то ли переминается с ноги на ногу. Ноги перекрывают, но видно, – костёр, топят то ли стулом, то ли чем: на нём кастрюля, в ней жарят (тушат?) мясо, дым. Рядом баклажка, тазик, пожилой человек над детской машиной, в салоне баклажка и пакет

Клэр. И внизу написано: Херсон. Я думаю: а где был ты?

Анна Львовна. Подвал. Обшарпанный угол, в нём, как полки три густые паутины чёрного-чёрного цвета. В ряд стоят баклажки, почерневшие изнутри, немного похоже на водник, хотя тот, скорее делается бурым, жёлтым. У другой стены – сваленные мусорные пакеты

Лена. Подвал. Пятно света фонарика. в два ряда стоят стулья – деревянные и чёрные тканевые. вы точно на таких сидели. В углу – две консервы и две баклажки. одна баклажка лежит на боку, другая стоит. У неё тоже весь верх в копоти

Клэр. Двадцать четвёртого сентября в военном комиссариате ты подписал контракт, вскоре, после непродолжительного обучения, тебя направили в Херсон, ты оказался там в середине октября, числа четырнадцатого — что ты там делал?

Анна Львовна. Две фотографии: спина, лицо заблюрено, левое плечо крупнее. покрасневшая спина, человек изгибается, видны родинки и белые пятнышки от электрошока. в форме капелек, как будто одна перетекает в другую

Лена. На фотографии — каллиграфически написано: «Слава России!!!» — чуть ниже, левее: «Слава ПУТИНУ!!!» — ещё чуть ниже: «Слава ШОЙГУ!!!» — везде по три восклицательных знака, начертание близкое к граффити: буквы как бы отбрасывают тень. Предположительно карандаш, стена, двадцать второй

Клэр. Ты умер в ноябре, в листопад, двенадцатого числа, после освобождения города. Осенний бульвар, жёлтые листья: улица суворова, центральная улица Херсона: постамент — *а вз суворов*, годы жизни. Суворова нет, увезли домой греться. Граффити: перевёрнутый Крым, снизу по кругу (как улыбка): *час повертати* — время вернуть

Анна Львовна. Какой-то гравий, по диагонали вытянута грязная тряпка — белая простынь, по ней, перекрещиваясь, синие полосы; вижу: ближе кверху торчат кости, позвонки — хребет, как рыбы, тоже без рёбер, а внизу, как будто ступни обёрнуты

Лена. Могилы рядками, пишут, что херсонцев, умерших во время оккупации. Нарядные могилы, с деревянными крестами, крепкими крестами — и венками, жёлтые цветы, оранжевые цветы, розовые цветы, голубые ленты — ещё и ещё цветов, а на дворе ноябрь, смотрю на деревья вдали — голые стоят, небо серое — и так много могил этих, будто служанки в белых фартуках и с бантами белыми туда-сюда снуют, ужин у графа, кашеварят

Клэр. В тот день, когда ты умер, я смотрела фотографии.

Анна Львовна. Синий свет, идут два человека, делают шаг и шаг: у одного рука по локоть в крови — по-другому в крови, у него вся левая половина в крови (путаю право и лево, двигаюсь корпусом, касаюсь пальцем плеча), свитер и куртка в крови, левее другой

человек тоже слева в крови, зажимает руку, я вижу: пережимает розовым ремнём – розовым. оба делают шаг вперёд, по ним – клин тусклого света. это они должны были рассказывать, а я не знаю их имён. после оккупации.

Лена. Я не знаю, как про это сказать, но мысль, что про это промолчать – нельзя: лежит человек, повернувшись к нам и смотрит: я её не спросила можно ли её описать: она в ахуе, руку перевязали бинтом, губы пересохли, она смотрит перепуганными глазами – зелёные, её везёт скорая, это человек и, не знаю, она человек – я вижу её рыжую-рыжую косу. Я не знаю, как вас зовут, я не знаю, живы вы или нет: если да, то, будьте счастливы, а если вы умерли – светлая память – что я блять несу

Клэр. Я смотрела фотографии: Наталья Порхун, Киселёвка – стоит посреди дороги, горизонт перспектива сходится у неё над головой, Наталья почти сжала губы, она смотрит, она держит (в руках не помещается) букеты вялых цветов: бархатцы, хризантемы, иван-да-марью. она ждёт украинских военных – двенадцатого ноября. И я снова задаюсь этим вопросом: что ты делал, ты ничего не рассказывал нам

Анна Львовна. Что ты делал между нашими звонками? – ты говорил мне, что делал дела

Лена. Куда ты ходил днём, отчего болели твои руки и ноги – ты говорил мне, что они болели

Клэр. Ты крал, ты пытал, ты насиловал, ты убивал? – ты не говорил

Лена. Ты ходил туда, ты говорил работать, ты исполнял, – но не говорил что

Анна Львовна. Я спрашивала, делал ли ты что-то мирное, а ты молчал

Лена. Я спрашивала, убивал ли ты, а ты молчал

Клэр. И ты молчал. Ты сдох, как собака где-то там в чернозёме. Ты всё это знаешь, а теперь лежи в земле, тебе не видать покаянья

Анна Львовна. Подлец, ты не смоешь с себя крови, ты будешь вечно гнить за то,

Лена. Что принёс с собой

Анна Львовна. Свой шкурный, дикий страх

Лена. За твою убогую жизнь

Анна Львовна. Этого тебе не простят

Лена. Никто

Клэр. Ты трус

Анна Львовна. Это твой грех, ты за него будешь наказан

Лена. И поэтому ты стал убийцей

Анна Львовна. Ты отобрал у нас последнее — светлую память

Клэр. Она жжёт наши мозги, кости, кожу, но тебе всё равно, ты умер

Лена. Сдох, как псина, сгнил заживо

Клэр. Когда вокруг падали сухие листья.

Анна Львовна. Ты утонул

Лена. Ты замолчал

Клэр. Я видела сама, как ты утонул,

Анна Львовна. Ты не потревожишь моего слуха

Лена. Но образ твой, звериный, гадкий образ, жжёт нас — и мы не забудем тебя, мы будем помнить

Клэр. Ты подлый и злой, ты грязный, руки твои касались оружия, им коснуться тела

Анна Львовна. Они пахнут мертвым,

Лена. Они пахнут трупом

Клэр. Ты замкнут, душе твоей бродить вокруг трёх слов

Лена. Страх, смерть, труп.

Анна Львовна. Ты убийца, с твоих рук течёт кровь,

Клэр. Твои гнилые кости будет ломить, их будет жечь солнце, их будет знобить от мокрого снега, не видать твоей душе покоя, я ненавижу тебя, ты сдох, как мразь, всё, что от тебя осталась — наша память, она черна и прогоркла, я ненавижу тебя, ты пыль, ты гниль, ты не оправдаешься — тебе нечем, тебе никак, теперь всё равно, и за это я тебя ненавижу, я презираю тебя, я ненавижу твою подлость и трусость, я ненавижу убийцу, я ненавижу тебя, я ненавижу, что Нина родилась мёртвой, и мне не дали её на руки, я устала ненавидеть, я ненавижу тебя, я ненавижу, я не могу больше ненавидеть, ненавидеть, ненавидеть тебя, ненавидеть, я ненавижу

тебя, ненавижу, не могу больше — звукорежиссёр, вы меня слышите? Я говорю, здесь должна быть другая музыка, что вы поставили — что вы тут, всё, уже схоронили, уже всех прокляли, другую музыку [ставит быструю весёлую музыку] — ну, прям таки, другую. Ага — Господи, который раз уже играем, и всё на одном месте спотыкаемся — ужас какой... [Обращается к актрисе, играющей Анну Львовну], что там дальше: «Нет, мы не ляжем и не умрём»?

Анна Львовна. Да

Клэр. Вы думаете лучше: «Нет, мы не ляжем и не умрём» или «Нет, мы не ляжем и не умрём»?

Анна Львовна. «Нет, мы не ляжем и не умрём» — [комментарий актрисы]

Клэр. Нет, мы не ляжем и не умрём, мы будем жить, мы будем помнить, и если ничего не сможем сделать, мы будем говорить, мы будем рассказывать, мы будем играть — мы не знаем, что он сделал, но зато мы знаем, мы помним имена тех, кто умер не своей смертью, не по своей воле и мы в силах помнить. Сейчас мы зачитаем некрологи лишь некоторым жертвам войны, созданные и собранные украинской [платформой памяти «Меморіал»](#), в переводе на русский. На экране появится QR-код [см. стр. 46 – эти же стикеры предполагается раздать зрителям, подробнее см. *автокомментарий*, стр. 47], ведущий на их сайт. Вы сможете выбрать некролог и прочитать его вслух – по-украински или через встроенный в браузер переводчик, чтобы почтить память погибших, или рассказать о других жертвах войны: ваших друзьях, родных близких либо тех, чьи истории вам довелось знать. Также вы можете поддержать работу [«Меморіала»](#). Мы начинаем [ни один из некрологов, представленных ниже, не является фиксированной частью текста, приведённые ниже некрологи – примеры и могут быть заменены].

Клэр. Ирина Филькина, 53 года, погибла 5 марта 2022 – Буча
Мир облетело фото расстрелянной женщины с красным маникюром, тело которой нашли в Буче после того, как город

покинули российские оккупанты. Эта женщина – Ирина Филькина. В апреле ей должно было исполниться 53 года.

У Ирины осталось двое дочерей. Они тоже жили в пригороде Киева, но успели эвакуироваться за границу. Ирина же, по их словам, отказалась уезжать. Осталась помогать людям. Недельку провела в торговом центре «Эпицентр», готовила еду для местных жителей, которые там укрывались. Про это в интервью CNN рассказала её дочь Ольга Щирук (@s.c.h.i.r.u.c.h.k.a).

5 марта Ирина всё же попробовала покинуть Бучу. Но в машине, которая вывозила людей, не осталось свободных мест. Поэтому она решила вернуться домой на велосипеде. Дети её отговаривали, убеждали, что это небезопасно.

«Ольга, ты что, не знаешь свою маму? Я могу горы свернуть!» – ответила на это дочке Ирина. Это был их последний телефонный разговор. До дома женщина не доехала.

Позднее в сеть выложили видео с беспилотника, снятое 10 марта 2022 года. На нём видно, как на чёрном велосипеде (такой был у Ирины) по Яблонево́й улице едет человек, которого потом расстреливают российские солдаты. На другом видео с этой улицы было видно женщину в синей куртке, которая лежала рядом с велосипедом.

Родные до последнего отказывались верить, что это Ирина. И только когда мир облетело печально известное фото Reuters, опознали мать. По руке с маникюром.

Сейчас дочки Ирины основали фонд имени Филькиной @mama_ira_fond, чтобы помогать детям, пострадавшим от войны. «Мы покажем, что мы сильные, несокрушимые и можем поднять с колен всех, кого они “силою” заставили упасть на них», – написала Ольга в Instagram, рассказывая о фонде.

🕯 Светлая память!

Лена. Роман Ткаченко, 21 год, погиб 31 мая 2022 – Эсхар, Харьковская область,

Солдат Роман Ткаченко, позывной Эстет, погиб 31 мая 2022 года в селе Эсхар Харьковской области. Он получил ранение в результате российского ракетного удара. Защитнику было 21 год.

Роман родился и жил в Киеве. Начальное образование получил в школе №209. Закончил бакалавриат историко-философского факультета Киевского столичного университета имени Бориса Гринченко, получив специальность историка. После этого поступил на магистратуру Киевского национального университета строительства и архитектуры на факультет урбанистики и пространственного планирования. Но из-за войны закончить учёбу не успел.

Роман работал экскурсоводом в Музее «Становления украинской нации». Друзья вспоминают его, как активного общественного деятеля: был экоактивистом, занимался охраной культурного наследия. Много работал над масштабным восстановлением мозаик столицы, а также поддерживал издательские проекты, связанные с историей Киева и урбанистикой.

Во время полномасштабного вторжения Роман пошёл защищать Украину. Служил в рядах 112-й особой бригады территориальной обороны.

«Роман был очень светлым и энергичным человеком. Много внимания уделял сохранению исторического архитектурного наследия Киева, занимался произведениями монументального искусства», – говорит Иван Стичинский, товарищ, коллега по памятникоохранительному делу.

Роман Ткаченко посмертно награждён орденом «За мужество» III степени и медалью «Честь. Слава. Держава».

Защитника похоронили на Лесовом кладбище в Киеве.

У воина осталась мама Светлана и много друзей

на основе совместного поста ХарківПрайд и Військові ЛГБТ в Инстаграме от 14 сентября 2024 г.: в 9 часов утра в Харькове возле памятника Защитникам Украины почтили память погибших ЛГБТК+ военных. Возле мемориала разместили портреты ЛГБТК+ военных, которые положили свои жизни на защиту Украины. Только два портрета были с открытыми лицами: Романа Ткаченко и Артура Сниткуса (7 июня 2024, Донецкая область, 36 лет)

Анна Львовна. Ева Тригуб, 8 лет, погибла 30 июня 2024, – пгт Нью-Йорк, Донетчина

Жизнь Евы Тригуб отнял российский обстрел села Нью-Йорк на Донетчине

28 июня 2024 года враг с воздуха атаковал Торецкую городскую общину, сбросив на посёлок авиабомбы. Один из снарядов попал в многоквартирную застройку и разрушил подъезд пятиэтажного дома.

Отец Евы Сергей погиб на месте, а она с мамой оказалась в больнице. Спасти жизнь девочки не удалось, через два дня, 30 июня, она умерла

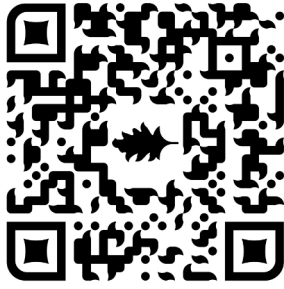
Еве Тригуб было 8 лет. Училась в учреждении общего среднего образования I-III ступеней №16 Торецкой городской военной администрации. Была старательной, ответственной.

«Евочка была самой младшей в нашем классе. Старалась узнавать всё новое, с интересом и детским любопытством исследовала этот мир. Ласковая улыбка сопровождала её по жизни. Каждый день я и дети говорили Евочке комплименты, приятные слова, поддерживали её. Ум и сердце отказываются верить в эту невозможную утрату...», – сказала классная руководительница Наталья Ильина.

У Евы остались мама, бабушка и другие родные.

[слово даётся зрителям.
минута молчания.]

*Иерусалим–Тбилиси
2022–2024*

[автокомментарий]

память требует усилия, она прошлое, прорастающее в настоящем: этот рост осуществляется чьим-то усилием, чьей-то настойчивостью и вниманием. память не может быть вечной, сказать *вечная память* может, например, государство о событии, дающим этому государству пояснение к существованию: пока помнят X, существует государство Y в том виде, в котором Y нам знакомо. это для него память вечная, но не для нас.

ни текст, ни спектакль, ни стикер не позволяют «увековечить» память; они все формы временные, твёрдо знающие о своей смертности и способности к воскресению – через внимание и волю читателя, зрителя, прохожего.

я верю, что, называя боль, мы можем её облегчить.

о самих стикерах: во-первых, они были задизайнены и героически свёрстаны [Сергеем Щепиловым](#), за что я ему невероятно благодарны.

qr-коды ведут на сайт [платформы памяти Меморіал](#), где собраны некрологи жертв войны.

стикер в нижнем левом углу – палиндром, обращение к этому жанру продиктовано идеей, что палиндром – есть не столько диковинка, взятая из гущи языка, сколько свидетельства медитации на заданную тему: он – направленное внимание. принимая облик графического стихотворения, он становится ещё одной из форм тайной памяти, маскирующейся от случайного взгляда, прося, таким образом, внимания по другую стороны письма.

ряды кружочков тоже есть шифр, использующий проект атипографии (англ. [atypography](#)), разработанный Svethe Grudi. каждый кружочек – это буква, точками обозначается количество невидимых отрезков исходящих из неё: чем жирнее точка, тем больше отрезков из неё исходит. чтобы расшифровать букву, необходимо домыслить отрезки и отгадать букву. первая строка читается снизу вверх, вторая – сверху вниз.

для печати можно пользоваться домашним принтером.
скачать макет для печати можно [здесь](#).

фотографии стикеров в городе можно анонимно присылать на почту: пожалуйста, не забывайте о своей безопасности, пользуйтесь защищёнными почтовыми сервисами вроде ProtonMail, ни в коем случае не пользуйтесь mail.ru или яндекс.почтой

lystopad12@proton.me